

Иван ГРЕК

ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ И ЭТНОЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ПРУТО-ДНЕСТРОВСКОМ МЕЖДУРЕЧЬЕ В XIX – НАЧАЛЕ XX в.

По Бухарестскому мирному договору 16/28 мая 1812 г. Россия получила от побежденной Османской Порты территорию, лежащую между Днестром и Прутом. До русско-турецкой войны 1806–1812 гг. междуречье состояло из нескольких территориальных частей, имевших разный политический статус и отличавшихся разнообразием этнодемографического ландшафта. Это были турецкие райи – Килийская, Измаильская, Аккерманская, Бендерская и Хотинская, входившие в состав Османской империи, которыми по ее законам управляли чиновники Порты. Здесь «был значителен удельный вес представителей мусульманского турецкого населения», но высока и «численность групп населения разной этнической принадлежности – молдаван, армян, греков, цыган, евреев, образовавших отдельные сообщества», а также русских старообрядцев и малороссов (украинцев)¹.

Это была собственно Бессарабия (до 1812 г. она известна еще как Буджак и Онглос), также являвшаяся частью Османской империи. С XVI в. ее заселяли ногайские татары, подчинявшиеся крымскому хану – вассалу Порты. Д. Хайдарлы отмечает «существенное возращение численности ногайского населения в Буджаке» в течение «первых двух третей XVIII в.», что явилось следствием политики крымско-татарских и турецких властей².

Эта территория «двухчасовой зоны» (юго-запад междуречья) де-юре входила в состав Молдавского княжества, но де-факто со второй четверти XVIII в. была социально-экономическим и демографическим продолжением ногайского Буджака. Поэтому не удивительно, что «на протяжении значительных временных отрезков XVIII в. ногайское население располагалось в пределах южной и северной частей «двухчасовой зоны», – а именно в те периоды, когда степняки практически

Доклад был зачитан на международной научной конференции «Присоединение Бессарабии к России в свете многовекового молдо-российско-украинского сотрудничества» (Кишинев, 1-5 апреля 2012 г.).

осуществляли здесь свой контроль»³. На этой территории проживали ногайцы, основывая там свои села, а также молдавское население и выходцы из-за Дуная, селившиеся здесь с последней трети XVIII в. Подчеркнем, что «к середине XVIII в. турецкие райи и буджакские ногайцы занимали в Пруто-Днестровском междуречье земли площадью в 25 495 кв. км, или 55,7 % его территории»⁴.

Это, наконец, остальная территория Пруто-Днестровского междуречья, составлявшая 20 тыс. кв. км, то есть менее половины его пространства. Молдавское население составляло большинство «в пределах прудо-днестровских цинутов Молдавского княжества, находившихся в центральной и юго-западной частях междуречья», а «цинуты северной части междуречья являлись зоной молдавско-украинского взаимовлияния»⁵.

Этнодемографическая картина в междуречье стала меняться со времени русско-турецкой войны 1768–1774 гг. Суть изменений сводилась к постепенному сокращению здесь турецкого и ногайского населения. Их место в последней четверти XVIII в. быстрыми темпами занимали молдаване из Запрутской Молдовы, чему «способствовала и политика представителей правящих кругов Молдавского княжества»⁶, и выходцы из-за Дуная⁷.

Численность населения прудо-днестровских цинутов Молдавского княжества, без учета его этнического состава, составляла «в XV в. – около 32–33 тыс. человек, в середине XVI в. – свыше 62 тыс. человек, в XVII в. – до 90 тыс. человек, в первой половине XVIII в. – около 125 тыс. человек»⁸. Следует отметить, что эти данные выведены на основе расчета по пять человек на двор, а не по переписи. К последней четверти XVIII в. общая численность населения в этих цинутах исчислялась в 144 685 человек⁹. В 1812 г. численность населения Пруто-Днестровского междуречья оценивалась в 51 121 семью, что составляло примерно 255,6 тыс. чел.

Русско-турецкая война 1806–1812 гг. подвела черту под одними демографическими процессами. Турки покинули Пруто-Днестровье, а часть ногайцев встала на сторону Порты и ушла с ее армией на Балканы. Другая их часть была выселена Россией в Крым и Приазовье в 1807 г.

Бухарестский договор заложил основу новой этнодемографической политики в Пруто-Днестровском междуречье, которая окончательно была оформлена в систему в первой трети XIX в. Продолжительность этого оформления была обусловлена как войной России с наполеоновской Францией в 1812–1814 гг., так и необходимостью административного переустройства вновь приобретенной территории и создания условий для ее социально-экономического развития.

В 1813 г. междуречье было названо Бессарабской областью, которая до 1828 г. имела автономный статус. С 1814 г. началось заселение края немецкими колонистами. В конце 1819 г. был принят Указ правительствующего Сената об устройстве в Бессарабии «задунайских переселенцев», который заложил правовые основы социально-экономического развития, а также их этнокультурной и общественной жизни. С 1820-х гг. в Бессарабии началось создание государственной деревни. С русско-турецкой войной 1828–1829 гг. связано завершение массовой переселенческой политики Петербурга в Бессарабии, хотя миграция населения сюда из центральных и малороссийских губерний, с Балканского полуострова, а особенно из Дунайских княжеств, интенсивно продолжалась вплоть до 60-х гг. XIX в.

В 1817 г. численность населения Бессарабской области составляла 491,6 тыс. чел., в 1823 г. – 550 тыс., в 1835 г. – 705,6 тыс., в 1859 г. – 1038,3 тыс., в 1897 г. – 1935,4 тыс. чел.¹⁰ Сравним четыре цифры, указывающие на народонаселение Пруто-Днестровского междуречья, обусловленные российским фактором:

- 1774 г. (144 685 чел.), когда очередная русско-турецкая война вызвала сокращение ногайского населения в «двухчасовой зоне» и рост численности молдаван и задунайских переселенцев;

- 1812 г. (255,6 тыс. чел.), когда междуречье вошло в состав России;

- 1859 г. (1 038,3 тыс. чел.), предшествовавший серии аграрных реформ в Бессарабии, которые повлияли и на ее демографическое состояние;

- 1897 г. (1 935,4 тыс. чел.), когда в последний раз в дореволюционной России проводилась перепись населения.

Примерно за 125 лет население Пруто-Днестровья увеличилось в 14 раз. С 1812 по 1897 г. – в 7,5 раза, а за 38 лет второй половины XIX в. – почти в 1,9 раза. О замедлении темпов роста народонаселения Бессарабии во второй половине XIX в. можно говорить только в сравнении с темпами его роста за предыдущий период. В то же время необходимо подчеркнуть, что в первой половине XIX в. механический прирост населения Бессарабии был весьма существенным. В 1824 г. он составил 251 тыс. человек, в то время как естественный прирост был всего 77 тыс. человек. Всего же с 1812 по 1858 г. механический прирост составил 319 тыс. чел.¹¹ Со второй половины XIX ст. он либо прекратился вовсе, либо существенно сократился. Наконец, можно говорить и о том, что экстенсивное социально-экономическое развитие Бессарабии затрудняло рост народонаселения прежними темпами. Если в 1812 г. в Пруто-Днестровье существовали целые незаселенные регионы, то к середине столетия пустующих земель в Бессарабской области практически не осталось.

Рассмотрим этнический состав населения Бессарабии после 1812 г. Необходимо подчеркнуть, что сделать такой анализ до этого времени сколько-нибудь удовлетворительно не представляется возможным. Предпринятые исследователями попытки в этом направлении проведены на базе расчетных данных по центральным, северо-восточным и юго-западным районам Пруто-Днестровского междуречья. Они не охватывают всю его территорию, а по методике исчисления не точны.

В первой трети XIX в. здесь сложилась новая полиэтническая мозаика, которая в основных своих чертах сохранилась до 1918 г. Большинство населения этой территории составляли молдаване, русские, малороссы (украинцы), евреи, болгары, гагаузы и немцы. Жили здесь также цыгане, чехи, поляки, албанцы, греки, сербы, армяне и др.

Этнодемографическая политика России в Пруто-Днестровском междуречье заключалась в том, чтобы сохранить здесь дружественное ей православное население и по возможности увеличить его за счет ушедших или переселенных ею турок и ногайцев, которые не вписывались в ее геополитическую стратегию на Балканах. Необходимо было также обжить обширную пустующую территорию, прежде всего в Буджаке, и хозяйственно обустроить и экономически освоить плодородные земли Бессарабской области.

Если проанализировать все аспекты этой политики и беспристрастно ее оценить, то нельзя не отметить наличие в ней двух важных составляющих.

Во-первых, эта политика была направлена на то, чтобы посредством миграции молдаван из-за Прута нарастить их этнический потенциал в тех регионах междуречья, где они традиционно обитали со второй половины XIV в., и поселить их там, где прежде проживали турки (в райях) и ногайцы (в Буджаке и в «двухчасовой зоне»). То есть Петербург продолжал политику заселения Пруто-Днестровья молдаванами, проводимую Яссами в цинутах с молдавским населением и в «двухчасовой зоне» с последней четверти XVIII века и до русско-турецкой войны 1806–1812 г. Он не усматривал в этой политике потенциальную угрозу своим геополитическим интересам в Юго-Восточной Европе. Вместе с тем необходимо отметить, что эта проблема в научном плане не разработана, что и подпитывает русофобствующих политиков, историков и политологов XX и XXI ст. в Бухаресте и Кишиневе.

Проблемой миграции молдаван из-за Прута в междуречье занимался известный в советское время, а ныне забытый молдавский историк М.П. Мунтян¹². В 70–80-е гг. прошлого столетия, проводя работу по выявлению источников для своей темы в Государственном архиве МССР, я перелистал не один десяток архивных дел с материалами о

бежавших из Дунайских княжеств в Бессарабию в 30–40-х гг. XIX в. от помещиков молдаван и валахов и об их принятии и устройстве здесь. Из некоторых вытекает, что власти Дунайских княжеств были крайне недовольны тем, что Россия продолжала принимать крестьян-беглецов из-за Прута. Таким образом, механическое насыщение Пруто-Днестровского междуречья молдаванами увеличивало их абсолютную численность на этих землях. Вместе с тем миграция молдаван после 1812 г. из Запрутской Молдовы в Бессарабскую область, на наш взгляд, приводила там к замедлению роста их численности, что могло иметь негативные последствия для их этнической судьбы во второй половине XIX в.

Важно отметить следующее. Как известно, после поражения России в Крымской войне часть Южной Бессарабии в качестве компенсации за Крым была передана Молдавскому княжеству по Парижскому мирному договору 1856 г. Изменение в 1860 г. Яссами и Бухарестом политики, проводившейся в отношении населения этой территории, и кровавое подавление недовольства такой политикой болгар и гагаузов стали причиной их массового бегства сначала в русскую часть Бессарабии, а затем переселения в Приазовье. Этим бегством и переселением в Россию было охвачено и молдавское население. В одной из своих статей, опубликованной в Болгарии, я привожу сведения о переселении тогда в пределы русской части Бессарабии молдаван из Сарацики, Кании, Алботы, Джамбоя, Киета, Кагула, Тамила, Киргана, Садыка, Бугурчака, Чадыра. Они объясняли свое стремление переселиться в Россию тем, что власти Объединенных княжеств лишили их тех прав и привилегий, которые были дарованы им Россией после 1812 г., в частности, освобождения от службы в армии¹³. Мотивация, конечно же, имеет социальный характер. Но в ней явно присутствует и игнорирование молдаванами Припрутья из южного участка Бессарабии своей этнической идентичности, чего нельзя сказать о болгарских, гагаузских, русских и малороссийских беженцах 1860–1861 гг.

Национальный состав населения Бессарабии после 1812 г., в частности его молдавская составляющая, вызывает повышенный, зачастую политически ангажированный интерес. Приведем обобщенные данные, выведенные не на основе расчетной методики, а из сведений церковного учета или переписи населения Бессарабской области.

До передачи южного участка Бессарабии Молдавскому княжеству в 1857 г., по данным церковного учета, молдаване в области составляли 432 579 чел., или 51,40 %, украинцы – 179 335 чел. (21,32 %), болгары (*и гагаузы*. – *И. Г.*) – 84 207 чел. (10 %), евреи – 61 045 чел. (7,25 %), русские – 36 049 чел. (4,28 %), немцы – 24 049 чел. (2,86 %)

и представители других национальностей – 24 259 чел. (2,89 %) ¹⁴. В переписи населения 1897 г. этнический состав населения Бессарабии выведен на основе родного языка его носителей. Общая их численность в 1 млн 935,3 тыс. включала 920,9 тыс. молдаван, или 47,6 % от общего количества населения, 379,6 тыс. малороссов (украинцев), или 19,6 %, 228,2 тыс. евреев, или 11,8 %, 155, 7 тыс. русских, или 8 %, 103,2 тыс. болгар, или 5,3 %, 60,2 тыс. немцев, или 3,1 %, 55,8 тыс. гагаузов, или 2,9 % и 31,7 тыс. поляков, цыган и представителей других национальностей, или 1,6 % ¹⁵. Приведем еще две цифры, касающиеся численности молдавского населения Бессарабии. В 1835 г. она составляла 411 тыс. чел., или 58,2 % от общего количества населения области), а в 1897 г. – 920,9 тыс. чел. (47,6 %). За 60 лет молдавское население в Бессарабии увеличилось на 511 тыс. чел. - более чем в два раза, но при этом его доля в составе всего населения края сократилась на 10,6 %. На основании этого делается вывод о сознательном и целенаправленном изменении Россией бессарабской этнодемографической картины в ущерб молдавскому этносу.

На мой взгляд, такой вывод не вытекает из исторической обстановки в Бессарабии и смежных с ней регионах Юго-Восточной Европы во второй половине XIX в., которая бы так негативно отразилась на этнодемографических процессах среди молдаван и привела к их долевному сокращению. Это, как представляется, было обусловлено прекращением или уменьшением эмиграции молдавского населения из-за Прута в Бессарабию, что было единственным источником его механического прироста в междуречье.

Отметим также, что политические процессы по созданию нового государства за Прутом также могли повлиять на прекращение эмиграции молдаван в Бессарабию из Запрутской Молдовы, где к концу столетия они были насильственно трансформированы в этнических румын.

Нельзя не учитывать и то, что бегство молдаван в начале 1860-х гг. из молдавского участка Южной Бессарабии в Россию привело к большей дисперсности их расселения и изменению к 1897 г. динамики их роста в Бессарабской губернии. Ведь и вынужденная эмиграция болгар и гагаузов с этой территории также привела к тому, что их доля в общем составе населения Бессарабии в 1897 г. сократилась. В связи с этим необходимо учесть численность молдаван и за пределами Бессарабии. Перепись населения 1897 г. показала, что в Подольской губернии проживало 27 тыс. молдаван, а в Херсонской их было более 147 тыс. чел. Всего - 174 тыс., или 18,9 % от общего количества молдавского населения в России. Если принять во внимание, что в 1859 г. в Молдавском княжестве насчитывалось 1 млн 207 тыс.

христиан (не только молдаван), получается, что этнических молдаван в России в 1897 г. было больше, чем за Прутом за 38 лет до этого.

Наконец, в сокращении доли молдавского населения Бессарабии сыграл свою роль более быстрый абсолютный рост численности украинского, еврейского и русского населения, что стало результатом аграрной реформы 1861 г. и соответствующей ее реализации в крае в 60-х–70-х гг. XIX в. Во всех сферах жизнедеятельности России начали действовать капиталистические процессы, разрушавшие феодальные устои и традиции, в том числе и привязанность молдаванина к своему клочку земли в отцовской и дедовской бессарабской деревне. Этнические принципы традиций в этнопсихологии людей уступали место социально-экономическим и общественно-политическим реалиям, что и зафиксировала миграция за пределами междуречья.

Итак, после 1812 г. Россия, заселяя Бессарабскую область многоязыким людом, сохранила здесь этническое молдавское большинство, увеличив его численность в несколько раз и обеспечив тем самым его присутствие на этнографической карте Юго-Восточной Европы.

Важно выяснить также, способствовала ли этому языковая ситуация в России. Как известно, ее обвиняют (и не без основания) в проведении русификаторской политики, правда, не объясняя, в чем именно русификация заключалась и к каким результатам она привела.

Многоязычное государство, каковым являлась Россия, должно было дать своему разноразличному населению один общий язык общения. В границах Российской империи им мог быть только русский. В Британской империи таким языком был английский, в Австро-Венгерской – немецкий, в Османской империи – турецкий.

Русский язык как язык межнационального общения должен был стать языком-посредником для многоязычного населения страны в быту, в торгово-экономической сфере, в общественно-политической жизни и т. д. Эта цель могла быть достигнута посредством открытия школ с русским языком обучения. Поэтому сама по себе такая школа не являлась инструментом русификации и ассимиляции.

Русификацию можно усматривать в том, что не изучались родные языки, история и культура народов, населявших Российскую империю. Да, с интересами нерусского населения не считалась сама имперская власть. Но она, тем не менее, до 1917 г. не смогла изменить его идентификационные маркеры и специфические формы их проявления в общественной и культурной жизни этого населения. Более того, эти маркеры в границах территорий проживания этнических меньшинств не запрещались и не преследовались. До 1917 г. русификация была противоречивой, непоследовательной и малоэффективной, поскольку рядом с ней существовали элементы и даже целые системы культур-

но-языкового характера, работавшие на сохранение многообразия этносов Российской империи.

В подтверждение сказанного приведу факты, чтобы объективно представить этнокультурное многоцветье бессарабской действительности с 1812 по 1917 г. Они многочисленны, хотя не всегда поддаются логическому объяснению. Так, с 1813 г. на молдавском языке печатались книги, в том числе буквари и учебники. Официальные документы продолжительное время составлялись на русском и молдавском языках. Известно, что в конце XIX в., в самый неблагоприятный для молдавского языка период истории дореволюционной Бессарабии, гагаузский просветитель М. Чакир издавал учебники, словари, разговорники и книги религиозного содержания на молдавском языке¹⁶.

В частных школах области, существовавших при сельских церквях и руководимых сельскими священниками, обучение шло на языке, которым он владел, и с использованием алфавита, который был ему знаком. А это были «грамота молдавско-церковная и отчасти славянская», «славянская и молдавская грамота», которым Захарий Чакир был обучен в плоештской школе. Им он обучал детей в Чадыр-Лунгской школе¹⁷. В колониях «задунайских переселенцев» знали греческий, старославянский или церковнославянский языки. В немецких колониях Бессарабии во всех школах обучение велось на родном языке. Таким же национальным колоритом обладали и школы для детей еврейской национальности, в которых учили как на иврите, так и на идиш. Функционировали и две армяно-григорианские школы¹⁸.

Изучался и молдавский язык. Сначала в сельских школах при церквях, затем в Кишиневской гимназии и в уездных училищах Кишинева, Хотина, Бельц, Сорок¹⁹. Предпринимались попытки изучать историю болгар и болгарский язык в колониях бессарабских болгар, а также в Комратском училище при его основании после Крымской войны²⁰. В начале XX в. начали издаваться книги религиозного содержания на гагаузском языке. С 1905–1907 гг. появились газеты и журналы на молдавском, болгарском и других языках. Тогда же по всей Бессарабии выдвигались требования об изучении в школах с нерусским контингентом учащихся родных языков или обучении на родном языке. И, наконец, в 1917 г. был осуществлен переход на национальную школу.

Из сказанного видно, что наряду с русификацией в Бессарабии функционировала – параллельно и нарастающими темпами – языковая и культурная практика, обеспечивавшая этническую, культурную и языковую идентичность нерусского населения края. Примечательно, что именно в дореволюционной Бессарабии православные тюркоязычные переселенцы из-за Дуная сформировались как са-

мостоятельная этническая общность, признавшая себя гагаузами, а родным языком – гагаузский²¹.

Конечно, указанная параллельная система, оберегавшая этническую и этнокультурную специфику полиэтнического населения дореволюционной Бессарабии, носила стихийный характер и замыкалась на отдельных этнических группах населения. Но с учетом неразвитости государственной системы образования и сплошной неграмотности населения, а также с повышением общественной активности населения края она обеспечивала его этническую, этнокультурную и языковую безопасность. Этого нельзя сказать о 1918–1940 гг., когда национальные школы в Бессарабии были переведены на румынский язык обучения, родные языки были изъяты из школьной программы, национально-культурные организации меньшинств запрещались и преследовались. Наконец, им запретили говорить на родных языках. Что же касается молдаван, то с 1918 г. их «перекрестили» в румын, что и отразила перепись населения 1930 г. в Румынии. **Все познается в сравнении. То, что было достигнуто в Бессарабии за 100-летие ее вхождения в состав России, было уничтожено за первые 10–15 лет ее оккупации королевской Румынией.**

Итак, можно отметить следующие положительные стороны вхождения в 1812 г. Пруто-Днестровского междуречья в состав Российской империи:

- административно-территориальное объединение в Бессарабскую область;

- демографическое наполнение, обусловившее социально-экономическое развитие Бессарабии;

- естественный рост численности молдаван в Бессарабии, а также ее значительный механический рост за счет соплеменников из-за Прута обусловили сохранение в составе России молдаван как самостоятельного этноса на этнографической карте Юго-Восточной Европы;

- этнические процессы в Российской империи не были направлены на поглощение русским этносом полиэтнического населения страны;

- языковая политика российского государства в Бессарабии ставила цель вооружить многонациональный край языком межнационального общения, которым, естественно, был русский. Но русский язык, как и русская культура в целом, не исключил из общественной жизни народов Бессарабии их родные языки, традиционную культуру, что в конечном итоге обусловило сохранение здесь их этнической идентичности.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Хайдарлы Д.И.* Население Пруто-Днестровского междуречья и южных районов левобережья Днестра в XVIII в. Этнодемографические и исторические аспекты. Кишинев, 2008. С. 384.

2. Там же. С. 385.

3. Там же.

4. *Хайдарлы Д.И.* Расселение и численность молдаван до конца XIX в. // Молдаване. М., 2010. С. 58.

5. *Хайдарлы Д.И.* Население Пруто-Днестровского междуречья и южных районов левобережья Днестра в XVIII в. С. 168.

6. *Хайдарлы Д.И.* Население Пруто-Днестровского междуречья и южных районов левобережья Днестра в XVIII в. С. 382.

7. *Хайдарлы Д.* Юг Пруто-Днестровского междуречья в XVII – нач. XIX в. Этно-миграционные аспекты // Курсом развивающейся Молдовы. Т. II. М., 2007. С. 480–496.

8. *Хайдарлы Д.И.* Расселение и численность молдаван до конца XIX в. С. 61.

9. *Дмитриев П.Г.* Народонаселение Молдавии (по материалам переписи 1772–1773, 1774 и 1803 гг.). Кишинев, 1973. С. 88.

10. *Зеленчук В. С.* 1979. Население Бессарабии и Поднестровья в XIX в. Кишинев, 1979. С. 97–100; Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. III. Бессарабская губерния. СПб., 1905. С. 70–73; *Хайдарлы Д.И.* Расселение и численность молдаван до конца XIX в. С. 64.

11. *Кабузан В.М.* Народонаселение Бессарабской области и левобережных районов Приднестровья (конец XVIII – первая половина XIX в.). Кишинев, 1974. С. 57.

12. *Мунтян М.П.* К вопросу о народной колонизации Бессарабии первой половины XIX века // Материалы научной конференции проф.-преп. состава КГУ по итогам н.-и. работы за 1970 г.: секция обществ. и гуманитар. наук. Кишинев, 1970. С. 70–71.

13. *Грек И.* Преселването на българи от бесарабската част на Молдовско-то княжество в Приазовието края на 50-те и началото на 60-те години на XIX в. // Българите в Северното Причерноморие. Т. II. В. Търново, 1993. С. 136.

14. *Кабузан В.М.* Народонаселение Бессарабской области и левобережных районов Приднестровья (конец XVIII – первая половина XIX в.). С. 55.

15. *Субботина И.А.* Динамика народонаселения в XX–XXI веках // Молдаване. М., 2010. С. 107.

16. *Стати В.* Молдаване. Кишинев, 2009. С. 334–345.

17. *Чакир Д.* Биографический очерк рода и семьи Чакир. Кишинев, 1899. С. 5–7, 12–14.

18. *Грек И.Ф.* 1993. Школа в болгарских и гагаузских поселениях юга Российской империи в первой половине XIX века. Кишинев, 1993. С. 13.

19. Там же. С. 12–13.

20. Там же. С. 58–62; *Челак Е.И.* Центральное училище в Комрате: к про-

блеме становления национального болгарского образования в Бессарабии // Проблемы языка, истории и культуры болгарской диаспоры в Молдове и на Украине. Кишинев, 1993. С. 142–168.

21. Грек И.Ф., Руссев Н.Д. 1812 - поворотный год в истории Буджака и «задунайских переселенцев». Кишинев, 2011. С. 78–84.

